

имен с префиксом *obi-*: *obixodъ*, *obizorъ*, *obitokъ* ³². Число глаголов с этим префиксом в древнерусском языке было значительно больше: *обизаряти*, *обизърѣти*, *обисцати*, *обистѣпати*, *обиступити*, *обисѣсти*, *обитекати*, *обиходити*, *обихъцати*, *обитати* ³³.

Корень слова *обитон* — производный от глагола *обитять* 'обтягивать, оплетать, охватывать'. Ср. смоленское *обтять* 'обнять': *Обтяй* дитёнык матку за шью и ни разымиш ручык ³⁴.

Слово *обитон* должно значить 'охват'. Ветер фордевинд назван так потому, что он как бы охватывает, обтекает судно с двух сторон, придавая ему самый быстрый ход, но и являясь самым опасным ветром, так как при небольшом изменении курса или направления может опрокинуть судно.

Архангельские говоры сохранили архаичное по своей структуре и семантике слово.

И. Г. Добродомов

О НАДЕЖНОСТИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ (ГИДРОНИМ *ОВРАД* НА ЮГЕ УКРАИНЫ)

Топонимика с самого начала была дисциплиной исторической, и этимологическая проблематика занимала в этой отрасли языкознания ведущее место. Появившиеся в последнее время другие методы топонимических разысканий фактически не решают самостоятельных задач, а лишь подготавливают материал для его последующей этимологической интерпретации, так что топонимическое этимологизирование по-прежнему остается главнейшей, хотя подчас и весьма отдаленной целью топонимического исследования ¹, которое теперь не ограничивается поспешным и в силу поспешности не всегда удачным этимологизированием, а тесно увязывает его с предварительной обработкой анализируемого материала в плане его детальной фонетической и полной морфологической характеристики с учетом конкретной истории соответствующего топонима в меняющейся языковой ситуации изучаемого региона.

³² Имя **obitokъ* реконструировано О. Н. Трубачевым на основании ономастических данных. «О существовании этого несохранившегося слова типа *обитод*, образованного от *теку*, *течь*, в вост.-слав. яз. свидетельствуют топонимы: *Обиточная коса*, на сев.-зап. Азовского моря, и река *Обиточка* (запись, видимо, отразившая укр. произношение), прав. приток Псла, в бассейне Днепра; см. Маштаков, Днепр, с. 72». — *Фасмер* III, с. 101, Дополнение О. Н. Трубачева.

³³ *Срезневский* II, стб. 506—514.

³⁴ *Добровольский*, с. 514.

¹ Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.

Топонимическое этимологизирование должно учитывать не только физико-географические и иные особенности обозначаемых топонимами географических объектов (это само собой разумеется), но и своеобразие этнографической характеристики того языкового коллектива, в недрах которого зародилось изучаемое географическое название. В последнем могли отразиться какие-нибудь архаические воззрения, которые потом оказались чужды тому же языковому коллективу, а также носителям сменивших его языков.

Вместе с тем для этимологизации топонимов, связанных с подобного рода этнографическими фактами, исследователь часто должен прибегать к использованию топонимическо-этнографических параллелей, известных у территориально отдаленных родственных народов. Привлечение отдаленных параллелей будет оправданным лишь тогда, когда на разделяющих эти сопоставляемые параллели территориях тоже обнаруживаются аналогичные факты, которые могут быть использованы в качестве показателей былого единства теперь территориально удаленных явлений.

Особо сложными для исследования представляются формы топонимов, которые оказываются зафиксированными в чрезвычайно малом количестве источников (особенно — одном). Такого рода топонимы фактически оказываются вне истории, их исследование особенно трудно. Прежде всего они требуют проверки по части достоверности их фиксации, а возможности этимологизации подобного рода топонимов вне фактической истории оказываются чрезвычайно широкими в связи с множественностью потенциальных принципов номинации, а также языковых источников, если таковых на рассматриваемой территории могло быть несколько. Простая декларация недостоверности зафиксированных форм в таких случаях обязательно должна сопровождаться наличием альтернативной достоверной формы из другого источника.

Фактически в массовых случаях обычного исследования топонимов, подтверждаемых множеством различных источников, вопрос о достоверности материала, как правило, и не ставится, а практическое решение этого всегда важного для исследования вопроса обычно базируется на механистическом выведении «усредненной формы» топонима, которая и анализируется исследователем. Достоверность форм единичной фиксации в источниках проверяется наличием аналогичных форм на соседних территориях, а также их конкретно-исторической этимологизируемостью, которая спасает редкую форму от напрасных подозрений.

Проблема доказательности тезисов о недостоверности отдельных форм топонимов всегда вызывает интерес и во многих отношениях бывает чрезвычайно поучительной.

В своем исследовании по гидронимам Правобережной Украины О. Н. Трубачев особое внимание уделил речному названию *Оврад-Девка* (правый приток Днестра в самых низовьях реки. П. Л. Маштаков. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного).

Пг., 1917, с. 30), которое обнаруживает «связь с несколькими гидронимами причерноморских районов Украины: *Owrad Jasenowy*, п[равый] п[ристок] Кодымы, бассейн Ю. Буга; *Owrad Strymbo*, п. п. Кодымы, там же; *Owrad Ternówka*, приток Ингула, бассейн Ю. Буга; *Owrad Mała Ternówka*, там же (*M. Vasmer. Wörterbuch der russischen Gewässernamen*, Bd. III. Berlin—Wiesbaden, 1965, S. 456; по материалам польского издания: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Маштаковым в основном не отмечены). Компонент *Оврад / Owrad* ведет себя здесь как апеллативный по происхождению термин, очевидно, неславянского происхождения (неясно, относится ли сюда название *Авратынская высь*² — водораздел рек Припяти, Ю. Буга и Днестра, см.: *Стопьянский Н.* Девять губерний Западно-русского края. СПб., 1866, с. VII; ср. далее: *Врадский Яр*, п. п. Оскола, бассейн Сев. Донца, *П. Л. Маштаков*. Список рек Донского бассейна. Л., 1934, с. 51; *M. Vasmer. Wörterbuch der russischen Gewässernamen*, Bd. I. Berlin — Wiesbaden, 1961, S. 387). Неславянская основа *Оврад / Owrad* сочетается в этих гидронимах низовьев Днестра и Ю. Буга со славянскими основами *Девка, Jasenowy, (Mała) Ternówka* кроме случая *Owrad Strymbo*. (Последнее связано с румынско-молдавским *strîmb* 'кривой'.) Далее к этому материалу было добавлено название реки в Среднем Поднепровье *Ховратка / Хаврадка*, «которое Соболевский — едва ли убедительно — толковал как иранизм в связи с др.-перс. *U-frāta* 'Евфрат' (*Соболевский А. И.* Новые русско-скифские этюды. — *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*, т. XXXI, 1926, с. 29)»³.

Специально этим гидронимическим термином занялась известная украинская топонимистка Л. Т. Масенко, которая к материалам М. Р. Фасмера и О. Н. Трубочева на основании все того же конечного источника⁴ добавила еще два речных названия с первым компонентом *Оврад*. Это *Owrad Tirtia*, приток уже упомянутого Оврада Ясенового в бассейне Кодымы — Южного Буга и *Owrad Kamienowatyj* в бассейне Ингула — Южного Буга.

К этому следовало бы добавить, что в том же польском географическом словаре дается и общая физико-географическая харак-

² Более позднюю попытку связать это название с рус. *обратный*, поскольку *Авратынская высь* «расположена с противоположной стороны от стока вод Южного Буга, Смотрича, Случи, Збруча и др.» (*Янко М. Т.* Топонімічний словник-довідник Української РСР. Київ, 1978, с. 13) нужно отнести к числу недоразумений и «этимологических каламбуров».

³ *Трубочев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968, с. 94, 126, 260. — Фактически П. Л. Маштаков в «Списке рек бассейнов Днестра и Буга (Южного)» (Пг., 1917, с. 30) упоминает *Оврад-Девку* по источнику: «Rzeki i jeziora. Tekst objaśniający do mapy hydrograficznej dawniej Słowiańszczyzny, części północno-zachodniej, przez W. K[ętrzyński]». Warszawa, 1883. Автор, вероятно, W. Kętrzyński?»

⁴ *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, t. III. Warszawa, 1882, s. 291; t. IV, 1883, s. 242.

теристика Оврагов: «*Оврад* — название многих речек в Подольской губернии, протекающих среди полей в оврагах (parów) или балках (wałdół), прорытых водами»⁵. Далее среди важнейших перечислены лишь все те же семь *Оврагов*, которые названы у Л. Т. Масенко. Эта словарная статья как бы подтверждает, что слово *оврад* является местным гидрографическим термином эндемичного характера, хотя источник этого своеобразного термина остается неясным, как и принципы номинации, здесь заключенные.

Особо обращая внимание на то, что все гидронимы с первым компонентом *Оврад* зафиксированы лишь одним источником — польским географическим словарем — и в другие списки попали оттуда (что не вполне точно), Л. Т. Масенко предположила, что термин *оврад*, вероятно, следует считать лишь польским транскрипционным искажением (какографічним варіантом) русского номенклатурного слова *овраг*, что у нее аргументируется следующим образом: «Все эти гидронимы находятся в южных районах Прибужья (один в южном Приднестровье), то есть на территории, которая, собственно говоря, не входила в состав прежнего Польского Королевства, и для ее географического описания в этом издании, вероятно, привлекались неполные материалы. На картах этой территории (с русской языковой основой этих карт) перед названиями многих рек указывается рус. *овраг*, *яр*, *долина*. В частности, на использованной нами в качестве источника материала «Подробной карте Подольской губернии в XIV листах», составленной штабс-капитаном Менде на русской языковой основе и изданной в Тульчине в 1825 году, некоторые притоки в южной части бассейна Южного Буга обозначены как «овраги», например: *Овраг Волова* — правый приток Переймы, правого притока Савранки, правого притока Южного Буга (в других источниках — просто река *Волова*), *Овраг Харсон* [. .]. Кроме того, много южных рек обозначено как «яр» и «долина», причем это касается прежде всего бассейна Кодымы, где отмечено три гидронима с компонентом *Оврад*. Так, Менде обозначает следующие притоки Кодымы: *Долина Клекучна*, *Долина Березовка*, *Долина Фарнатия*, *Подоров Яр*, *Долгов Яр*, *яр Бажша*, *Гедзилов Яр*, *Яр Мазуров*, *Демков Яр*. Некоторые из этих названий известны и сейчас как украинские составные образования с компонентом *яр*: *Гедзилів Яр*, *Фарнатія (Яр Фарнатія)*. В этих гидронимах отражаются географические особенности южных районов, где многие реки летом пересыхают и превращаются летом в балки, или овраги, поэтому далеко не во всех случаях можно четко различать эти два вида водных объектов. С такими фактами нам приходилось не раз иметь дело при записывании гидронимов в южных районах Прибужья, когда информатор не мог точно указать, является ли какой-то водный объект рекой или балкой. Следовательно, зафик-

⁵ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. VII. Warszawa, 1886, s. 772.

сированные в польском источнике гидронимы бассейна Кодымы *Owrad Strymba*, *Owrad Tirtia* и *Owrad Jasenowy* — это какографические варианты рус. *Овраг Стрымбо*, *Овраг Тиртия*, *Овраг Ясеновий*, которые, в свою очередь, можно считать переводами укр. *Яр Стримбо*, *Яр Тиртія*, *Яр Ясеновий*»⁶.

Вероятно, эти соображения были руководящими для составителей капитального «Словника гідронімів України» (Київ, 1979), которые из семи украинских гидронимов с начальным компонентом *Оврад* включили в корпус словаря только *Owrad Diewka*, *Оврадъ-Дѣвка*, *Owrad Ternbówka*, *Owrad Mała Ternbówka* (с. 171, 560).

На первый взгляд, сомнения Л. Т. Масенко вполне оправданы: в латинской транскрипции русского термина *оврагъ* — *owrag* последняя буква вполне могла в скорописи показаться кому-то русской и быть «исправлена» на латинское *-d*. Но вызывает недоумение, что такая ошибка была сделана сразу в семи названиях, рассеянных на сравнительно большой территории Северного Причерноморья в бассейнах Южного Буга и Днестра, образуя, однако, своеобразный гидронимический регион.

Есть и еще одно соображение этимологического плана, которое позволяет отвести сомнения в достоверности гидронимов с термином *оврад*, причем основой для такого этимологического предположения служит особо отмеченный уже О. Н. Трубачевым гидроним нижнего Поднестровья *Оврад-Девка*, где два компонента должны рассматриваться как «разноязычные синонимы», подобные частям гидронима *Дон-река*, где первая часть восходит к скифскому нарицательному названию реки, отраженному в современном осетинском *дон* 'вода, река'.

Совершенно ясному второму компоненту названия *Оврад-Девка* хорошее семантическое соответствие обнаруживается на тюркской почве: гагауз. устар. *аврад* 'жена, женщина', тур. просторечн. *avrat(-di)* 'баба; жена', азерб. *арвад* 'жена, женщина' (обычное слово); туркм. разгов. *арват* (обычно же *аял*) 'женщина; жена, супруга', узб. *аврат* разг. 'женщина'. Слово оказывается представленным преимущественно в так называемых огузских тюркских языках, составляющих юго-западную часть тюркского языкового ареала (если не считать узб. *аврат*).

На тюркской почве это нарицательное наименование женщины фиксируется уже Среднеазиатским тефсиром XII—XIII вв.: '*aw-rat* 'жена, женщина'; тюркско-арабским словарем 1245 г., изданным М. Т. Хаутсмой (как туркменское слово *اورت* *аврат* 'женщина'); у Абу Хайяна (1313 г.): *اورط* *аврат* 'женщина';

⁶ Масенко Л. Т. Назви річок Інгуло-Бузького басейну. — В кн.: Горпинич В. О., Лобода В. В., Масенко Л. Т. Власні назви і відтопонімії утворення Інгуло-Бузького межиріччя. Київ, 1977, с. 173—174. Еще раньше эти соображения Л. Т. Масенко активно воспринял Ю. А. Карпенко, см.: Карпенко Ю. О. Актуальні проблеми вивчення топонімії Північного Причорномор'я. — В кн.: Питання ономастики Південної України. Київ, 1974, с. 12.

в словаре XIV в. «ат-Тухфа»: *أَوْرَاتٌ avrāt* 'женщина'; в поэме Кутба «Хосрау и Ширин» (XIV в.): *عورت avrat* 'женщина' ⁷.

Этимология этого тюркского названия женщины была ясна уже для анонимного лексикографа XIII в., который в упомянутом тюркско-арабском словаре, изданном М. Т. Хаутсмой, указал, что туркменское название женщины восходит к арабскому *عورة avra(t)uḥ* '1) слабость, недостаток; 2) слабое, незащищенное место; 3) половые органы' (мн. число *عورات avrāt(u)ḥ*) ⁸.

В некоторых мусульманских тюркских языках это слово известно и в значениях, весьма близких к арабскому первоисточнику: (ново)уйгур. *ئەۋرەت avrət* 'нагота; часть тела от пупка до колен', казах. диалект. *әурет avret* 'стыд': *әуретіңді жап* 'опусти ниже подол платья' (дословно: 'закрой свой стыд') ⁹. В узбекском языке у слова *аврат* в разговорном стиле представлено значение 'женщина', при наличии у него и другого значения — 'часть тела, которую по шариату следовало закрывать (для мужчин — от пояса до колен, для женщин — от кистей рук до шеи и от шеи до ступней ног)'. В турецком языке даже намечена тенденция к формально-звуковой дифференциации разных значений: просторечному *avrat (-di)* 'баба; жена' противопоставлено не имеющее в большом «Турецко-русском словаре» 1977 г. специальных помет *avret (-ti)* '1) наружные половые органы; срамные места'; 2) 'баба, жена', сохраняющее, однако, арабскую форму множественного числа *avrat (-ti)*, что типично для книжных слов ¹⁰. К тур. *avret* восходит с.-хорв. *avret* 'stidna mjesta na čovječijem tijelu koja treba pokrivati' ¹¹. По сведениям Б. Г. Гафарова, в южном диалекте крымскотатарского языка слово *аврат* имело значение 'женщина, жена' (в степном ему соответствует *къатын*), а в степном — *аврат* имело значение 'стыд'.

В значении 'женщина' арабское слово *عورة avra(t)* проникло также в ряд иранских и индийских языков в связи с распространением ислама ¹².

⁷ Боровков А. К. Лексика Среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1959, с. 35—36; Houtsma M. Th. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894, S. 55, ro; *Abū Hayyān*. Kitāb al-İdrāk li lisān al-Atrāk. İstanbul, 1931, s. 7, 25; Ettühfet-üz-Zekiyye fil-lûgat-it-Türkiyye. Çeviren B. Atalay. İstanbul, 1945, s. 6, 63; *Zajczkowski A.* Najstarsza wersja turecka *Husrāv u Širīn* Qutba, cz. III, słownik. Warszawa, 1961, s. 16.

⁸ Houtsma M. Th. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894, ص. ۲۰.

⁹ Курьшижанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970, с. 76.

¹⁰ Çagatay S. Die Bezlichnungen für Frau in Türkischen. — Ural-Altäische Jahrbücher, 1961, Bd. XXXIII, H. 1, Wiesbaden, s. 17—35.

¹¹ Skaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom-hrvatskosrpskom jeziku, 3 izd. Sarajevo, 1973, s. 106.

¹² Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. III. Wiesbaden, 1967, S. 358—359.

На хронологию украинского речного названия не должно влиять отражение начального тюркского *a*- как *o*- на восточно-славянской почве, поскольку лабиализация гласного *a* > *o* перед губными согласными наблюдается уже на тюркской почве¹³, но ареалы этого явления в тюркском языковом ареале точно не обозначены.

Поскольку слово *аврад*, *аврат* в тюркских языках представляет собой арабизм, пришедший вместе с мусульманством¹⁴, можно, опираясь на историю распространения этой религии и ее носителей в Северном Причерноморье, даже ставить вопрос о времени возникновения названия *Оврад* на базе тюрко-арабского апеллатива *'аврад*. Согласно разысканиям историков, ислам в Северном Причерноморье появился в период господства там Золотой Орды¹⁵ при хане Узбеке (1312—1340 гг.). Следовательно, названия *Оврад* не могут быть старше XIV в. и должны связываться с причерноморскими ногайцами, роль которых в обогащении восточнославянских языков тюркизмами уже отмечалась в литературе¹⁶.

Любопытно отметить, что принимаемая здесь нами первоначальная внутренняя форма у гидронима *Оврад* лучше и дольше всего сохранялась в самых низовьях Днестра, где к нему был добавлен славянский эквивалент-перевод *Девка*, поскольку этимологический смысл этого тюркского речного названия еще какое-то время был ясен для славянского населения. Что касается других *Оврадов*, то к ним были добавлены славянские или молдавские уточняющие определения без учета уже основательно забытой внутренней формы гидронима. Днестровский *Оврад-Девка* — в гораздо большей степени необычный для славянской гидронимии феномен, сравнительно с более обычными речными названиями, содержащими компонент *Оврад*, в бассейнах Южного Буга и Ингула: *Owrad Jasenowy*, *Owrad Ternówka*, *Owrad Mała Ternówka*, *Owrad Kamienowatyj*; *Owrad Strymbo*, *Owrad Tirtia*.

При этом важно иметь в виду, что у тюрков Северного Причерноморья в период принятия ислама, вероятно, еще сохранялся старинный языческий обычай давать эпитет со значением 'сударыня; дама' пользующимся уважением географическим объектам, как это отражено у якутов применительно к слову *хотун* 'госпожа; свекровь; супруга, жена; дама (в картах)', которое прила-

¹³ *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 110—111; *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 40; Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. М., 1955, с. 18, 38.

¹⁴ В гагаузском языке это вторичное включение из турецкого источника, как и в сербскохорватском.

¹⁵ *Бартольд В. В.* «Ислам на Черном море». — В кн.: *Бартольд В. В.* Сочинения, т. VI. М., 1966, с. 663—664.

¹⁶ *Одинцов Г. Ф.* Два ногайских заимствования в русском языке. — Этимология 1971. М., 1973, с. 195—204.

гается к топонимам, вызывающих особое чувство уважения¹⁷. Наличие речного названия *Катунь* (алт. *Кадын суу*) на Алтае говорит о былом распространении этого обычая и на других тюркских территориях. Есть все основания связывать с этим же тюркским апеллативом *қатун*, *қатын* и название правого притока Южного Буга *Кодыма*, в котором, однако, отражается булгаризованная форма названия с булгарским *-м* в соответствии с *-н* в прочих тюркских языках.

Вероятно, с этим же обычаем связано отмеченное «Древнетюркским словарем»¹⁸ развитие у древнетюркского титула *tarım* присоединяемого к именам женщин или детей ханского рода, омонимичного ему значения 'рукав, приток реки', как трактуются эти значения уже в источнике этого лексикографического труда — в словаре арабского тюрколога XI в. Махмуда Кашгарского. По-видимому, частое почтительное употребление социального термина *tarım* применительно к речным объектам постепенно привело к выделению у этого слова гидрографического значения, которое после утраты этого ономаσιологического обычая стало восприниматься уже как омонимичное и не связанное с титулом.

Махмуд Кашгарский также отмечает название местности *Usmī Tarım* возле Кучи (كۈچى) на уйгурской границе и добавляет, что и протекающая здесь река носит то же название¹⁹.

Название реки *Тарим* в Синьцзяне отражает, вероятно, действие той же модели, входя в один ряд с другими «дамскими названиями» типа *Катунь* — *Кодыма* и *Оврад(-Девка)*. Другие этимологии этого гидронима носят вторичный характер, отражая секундарные, уже переосмысленные связи названия реки с изменившимся словарным составом местного языка²⁰.

В Северном Причерноморье обнаруживается также точное соответствие центральноазиатскому *Тариму*, но уже в булгарской огласовке и с уменьшительным суффиксом — *Турунчук* (*Турунчук*, *Taraişczuk*)²¹. Первый слог названия демонстрирует типичный для булгарской почвы переход *a > o > y*, а в последующих слогах отражается губная гармония гласных. Изменение *-м*

¹⁷ Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка, I. М.—Л., 1950, с. 192—193; Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, вып. 13. Л., 1930, стб. 3536.

¹⁸ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 537, 617.

¹⁹ Махмуд Кашгарий. Туркий сўзлар девони, I т. Тошкент, 1960, с. 376.

²⁰ Другие этимологии см.: Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 296, где предложенная «дамская этимология» представлена лишь заключительной частью: термин *tarım* > гидроним *Тарим*. Этимология термина *tarım* и проблема его огласовки с богатой литературой рассмотрены в кн.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden. 1965, S. 656—657.

²¹ На тюркское происхождение гидронима в общей форме уже указывалось: Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 204, 266. Формы см.: Словник гідронімів України. Київ, 1979, с. 575. Форма *Taraişczuk*, возможно, объяснима вторичным сближением с названием рыбы *тарань*. См.: Линберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972, с. 190.

в -н в конце словообразовательной основы было обусловлено ассимилятивным воздействием соседнего -ч- в начале суффикса.

«Словник гідронімів України» (Київ, 1979, с. 570) отмечает в верховьях Тисы (бассейн Дуная) в Закарпатской области поток *Тбрунчик*, вливающийся в *Торунку* (*Торунську Річку*, *Торунчак*), что соблазнительно связывать с разобранными гидронимами.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что если старое тюркское название дамы, знатной женщины *хатун*, *қатын* и т.п. было перенесено на более или менее значительные реки Северного Причерноморья — *Кодыма* (форма отражает типичные черты болгарской фонетики: переход $a > o$ в первом ударном слоге и соответствие -ж общетюркскому -н в исходе слова)²², то новое мусульманско-тюркское наименование женщины *аврад* с еще, по-видимому, чувствовавшейся первоначальной семантикой закрепилось за многими мелкими водными объектами, так что собственное название речки *Оврад* даже могло произвести впечатление местного гидрографического термина — географического апеллатива. Для микротопонимов характерна нерасчлененность их с соответствующими апеллативными терминами.

Вопрос об употреблении слова *оврад* в качестве географического термина остается пока открытым, да это и не столь уж важно, поскольку представляется возможным не только переход гидрографических терминов в гидронимы (весьма обычное явление), но и переход массовых гидронимов, обозначающих мелкие гидрообъекты, в своеобразные местные термины, как бы стоящие на грани между собственными и нарицательными именами. В однотипных массовых географических названиях легче выделяются принципы номинации, связанные с определенными физико-географическими свойствами объектов и этнографическими особенностями языковых коллективов, дающих наименования. Эта связь названия со свойством именуемого объекта ярче всего проявляется у нарицательных наименований, а обнаруживающие это свойство микрогидронимы приближаются к географическим терминам — апеллативам.

Несколько на другой основе в гидронимии Подонья возникли внешне похожие по своей внутренней форме речные названия типа *Старица*, *Старуха*, *Баба*, *Бабка*, а также *Девица*, связанные со старыми и новыми руслами реки. Аналогичные названия есть и в бассейнах Днепра и Оки. Любопытно наблюдение Е. С. Отина, отметившего, что и в бассейне Днепра, и в бассейне Дона речные названия *Девица* образуют своеобразные ареалы, причем ареал в Подонье, вслед за В. П. Загоровским, у Е.С. Отина считается перенесенным из Черниговской земли (бассейн Днепра)²³.

²² См.: Добродомов И. Г. К выявлению болгарского пласта в речных названиях Украины. Кодыма (рукопись).

²³ Отин Е. С. Ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Подонья. — В кн.: Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979, с. 13—18; Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж, 1977, с. 64.

Приведенные примеры заставляют признать, что среди гидронимов разных территорий обнаруживается пласт речных названий, образованный от нарицательных существительных со значением 'женщина' и т. п. Правда, принципы их названия не всегда одинаковы, но они все-таки опровергают ходячее мнение о том, что «это не соответствует основным принципам названия рек»²⁴, что «эти этимологии не могут быть продуктивны в топонимике, они негеографичны»²⁵. Негеографичность подобного рода названий обусловлена их этнографичностью.

Тезис о непродуктивности и негеографичности гидронимов от названий женщин обычно подкреплялся привлечением древнетюркского слова *қатын* со значением 'вода' или 'река', однако это слово связано с многократным повторением ошибки при записи желтоуйгурских слов бароном К. Г. Э. Маннергеймом, который, не зная тюркского языка, сделал при этом ряд ошибок, к числу которых следует отнести и запись *katýng* 'water', т. е. 'вода', которая неоднократно повторялась разными доверчивыми исследователями и породила неправильное прочтение одной енисейской рунической надписи и топонимическую легенду о существовании древнего тюркского нарицательного названия реки *қатын*, которое не имеет, однако, надежного подтверждения ни в одном тюркском или монгольском языке²⁶. Записанное К. Г. Э. Маннергеймом слово поразительным образом похоже на древнетюркское слово *qatıñ* 'сосуд, кувшин'²⁷.

Корректирующее дополнение.

Судя по «Гідроніми Нижнього Подністров'я» (Київ — Одеса, 1981, с. 30), Ю. А. Карпенко в первой части гидронима *Овраг-Девка* по-прежнему видит искажение термина *овраг*, а вторую объясняет ad hoc от термина *дол*: **долъка* > укр. **ділка* > *дівка*, что, однако, не подкреплено аналогиями.

²⁴ Воробьева И. А. Язык земли. Новосибирск, 1973, с. 90.

²⁵ Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М., 1974, с. 190. И. А. Воробьева основывается на этой формулировке по более ранней публикации Э. М. Мурзаева в сборнике «Топонимика Востока» (М., 1964), с. 9.

²⁶ Mannerheim C. G. E. A Visit to the Sarö and Shera Yöğurs. Helsingfors, 1911 (= Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXVII. Helsinki, 1911—1912, N 2); Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911, с. 141; Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 19—20; Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с. 142—143, 202; Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, с. 224; Мурзаев Э. М. Центральнo-азиатские топонимические миниатюры. — В кн.: Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964, с. 9—11. Ошибка из неточно понятого материала С. Е. Малова или из решительной формулировки Э. М. Мурзаева неоднократно повторялась у разных топонимистов. См., например: Воробьева И. А., Малолетко А. М., Розен М. Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980, с. 95.

²⁷ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 435.